

В третьем выпуске сборника «Кинопанорама. Советское кино сегодня» («Искусство») помещены творческие портреты видных кинематографистов, режиссеров, актеров о тенденциях киноискусства 70-х гг. Публикуем несколько отрывков из беседы с популярным актером кино Александром Калягиным, снимавшемся в фильмах «Неоконченная пьеса для механического пианино», «Допрос», «Верой и правдой» и других.

ГОВОРЯТ, что у каждого есть три-четыре любимые книги, но, чтобы найти их, надо перечитать тысячи томов. С годами «моими» стали Рабле, Зоценко, Платонов, Маркес. Но даже среди этих любимых Чехов занимает особое место. Все решающие, переломные моменты моей жизни оказались связаны с ним. Открывая Чехова — драматурга или прозаика, — я каждый раз открывал самого себя.

**

После училища я работал в Театре на Таганке. К тому времени некоторые мои однокурсники стали уже известными актерами кино. Часто

всех персонажей. Это была картина-импровизация на заданную тему. Главное игралось как проходное, как бы вдруг родившееся на наших глазах. Вот вдруг взбрыкнулась знаменитая актриса Ольга Вознесенская: «Господа, что мы репетируем, что мы играем?!». Принципиально важные слова, дающие развитие внутреннему действию, звучат в капризных интонациях Вознесенской. Все как бы невзначай, как бы родилось только что, на наших глазах, и стало фильмом только потому, что оператор в этот момент крутил ручку камеры.

Александр КАЛЯГИН

МОЕ МНЕНИЕ

приглашали сниматься и молодёжь с Таганки. А я даже и не пытался понравиться ассистентам режиссера. Зачем? С моими внешними данными трудно было сразу вписаться в картину кинематографа тех лет. В герои я явно не годился. Никакой ярко выраженной характерности, типажности во мне тоже не было. Что же касается данных внутренних, то их еще предстояло искать и открывать, и не только для зрителей, но прежде всего для самого себя. «Тебя начнут приглашать в кино, когда ты немножко постареешь», — пророчески сказал мне однажды Николай Губенко. Тогда мы работали вместе на Таганке. Губенко был уже известным актером, снявшимся у Хуциева в нашумевшем фильме «Мне двадцать лет».

Слова его хоть и запомнились, но впечатления не произвели. На свое кинобудущее я смотрел пессимистически и ничего хорошего от него не ждал...

**

Гораздо важнее, чем из «положительности» или «отрицательности» в поиске рисунка роли, и внешнего и внутреннего, исходить из жанра, настроения, стиля фильма. «Рабла любви» — ироничная, грустная, смешная мелодрама. Именно грустная. Никита Михалков хотел, чтобы трагические куски игрались не как трагические, а как трогательные. В этом ключе строились линии

Михалков, как мне кажется, достиг того виртуозного владения профессией, когда, хорошо зная актера, его комплексы, его сильные и слабые стороны, верно нажимая на клавиши его души, он умеет добиться нужного ему звучания. Способность эта в полную силу проявилась в работе над «Неоконченной пьесой для механического пианино».

...Конечно же, Платонов — моя лучшая, любимая, качественно иная по сравнению со всем, что было сыграно раньше, роль — вся была пропущена через меня.

...Меня сразу же поразил сценарий, его истинно чеховский дух, современность, цельность, несмотря на то, что он собирался из разных произведений. Больше же всего поразил Платонов — роль писалась специально для меня. Но, читая сценарий, я никак не мог поверить, что это мне предстоит играть чеховского героя-любовника, душу общества, любимца женщин, самого умного, вернее, мудрого из всех, потому что он один понимал до конца правду о себе и о других. Один знал всему цену. Я благодарен Михалкову за то, что он увидел во мне внутреннюю способность сыграть Платонова...

Александр Калягин в сцене из фильма Н. Михалкова «Неоконченная пьеса для механического пианино».

